

ЕВГЕНИЙ ВАСЕНИН

НАСЛЕДНИК
ТИШИНЫ

Евгений Васенин
Наследник тишины

«Автор»

2026

Васенин Е.

Наследник тишины / Е. Васенин — «Автор», 2026

Артём — молодой петербуржец с Васильевского острова. Чувствующий себя чужим в современном мире масок и лжи, занимающийся муай-тай, в попытках остановить внутренний шум. Однажды он узнаёт, что его отец -не простой бизнесмен, а мать -сибирская ведунья. Астральный перенос забрасывает его на Хуран-планету, где меч решает судьбы, а философия бьётся насмерть. Там он получает имя Вела, проходит инициацию у сурового мастера меча Акнури и встречает любовь -Суналь, чьи черные глаза с лиловыми зрачками видят больше, чем положено смертному. Но миры соединены не только светом. Аидянцы -цивилизация где правят ненависть, расчет и насилие-уже протянули щупальца к Земле. Артёму предстоит бороться за Землю, за свою любовь и понять главное: Судьба -это канва. Свобода выбора-узор. Любовь-единственная сила, ради которой стоит сражаться, умирать и возвращаться сквозь фиолетовый свет. Мистическое боевое фэнтези с космической философией и любовной линией.

© Васенин Е., 2026

© Автор, 2026

Евгений Васенин

Наследник тишины

НАСЛЕДНИК ТИШИНЫ

Благодарности

Моей маме — первой и главной проводнице в этот мир снов и видений. Ты слушала мои рассказы о далёких планетах, где я бродил среди фиолетовых туманов и общался с существами, чьи жизни казались живее нашей реальности. Незадолго до своего ухода ты спросила: «Сынок, а не хочешь ли написать об этом книгу?» Я отмахнулся: «Мам, ты чего? Я же не писатель». Но твоя вера в меня и твоя безграничная любовь — они стали семенем, из которого родилась эта книга. Спасибо тебе, мама, за то, что верила в меня сильнее, чем я сам. Я люблю тебя.

Моей дочери — моему маяку в этом мире. Ты дала мне смысл и силы жить дальше. Ты напоминала: в людях есть любовь, в жизни — добро. Ты дарила энергию верить в лучшее, и благодаря тебе эта книга родилась. Ты — мой якорь и моя звезда. Я люблю тебя.

Моему ангелу в белом халате — Тик (Wirunphat)

Спасибо тебе, Тик. Ты — не просто добрый человек. Ты — причина того, что я до сих пор здесь. И что эта книга вообще существует.

Ты — из Таиланда, где даже воздух пахнет добротой. Работаешь в «Бангкок госпиталь Паттайя», в отделении хирургии. И когда моя кома говорила громче меня, когда моё сердце решало, что хватит — ты не отступила. Ты видела то, чего не замечали приборы. Спорила с протоколами, тормозила медперсонал, вкладывала свои знания и заботу между мной и вечностью.

Если бы не твои руки, этой книги бы не было. Не потому, что красиво сказано. А потому что без этого тела — я не смог бы ее написать. Не смог бы вернуться к маминой мечте. Не обнял бы дочку.

Тик, твое имя в обычной жизни. Но для меня ты — та, без кого фиолетовый свет погас бы навсегда.

Я люблю тебя. Как брат, как человек, как одна живая душа — другую.

Пролог

Дорогой друг, брат, сестра... Я обращаюсь к вам именно так не ради красивого слова. Я искренне верю и знаю: так оно и есть на самом деле. Даже если многие из нас ещё не осознали этого разумом, наши сердца уже давно чувствуют эту незримую связь.

Мы — не просто случайные прохожие на этой планете. Мы — живые клетки одного колоссального организма. Мы — плоть и кровь Земли, неразрывно связанные с её ритмами, её болью и её будущим. Мы развиваемся вместе с ней, и наш завтрашний день прорастает из той почвы, которую мы готовим сегодня.

В ваших руках — не просто плод фантазии или выдуманный рассказ. Это концентрат моего личного опыта: осознанных путешествий в глубины сновидений, суровых практик с сознанием, долгих часов анализа и размышлений о том, кто мы такие на самом деле.

Для чего мы здесь? Какова цель нашего пребывания в этом временном доме, который Земля, как любящая мать, предоставила нам для эволюции? Она дала нам всё необходимое, чтобы мы могли вырасти из своих страхов и ограничений. И теперь я предлагаю вам вместе заглянуть за горизонт — в наше общее будущее.

Нам необходимо понять своё предназначение. Сейчас, когда человечество вплотную подошло к роковой черте, старые алгоритмы больше не работают. Мы не можем двигаться

дальше поодиночке, разрывая друг друга ради иллюзорных ресурсов. Чтобы выжить, развиваться и быть по-настоящему счастливыми, нам нужно вспомнить о единстве.

Только сообща, поддерживая и оберегая друг друга, не теряя при этом своей уникальной искры, мы сможем нащупать верный путь. Эта книга — приглашение к диалогу. К поиску того алгоритма действий, который превратит наш хаос в гармонию.

Мы подошли к моменту истины. Пришло время осознать: наш путь лежит через единство. И этот путь начинается здесь.

Глава 1

Отец

Я вошёл в кабинет отца без стука. Дверь сомкнулась за спиной, как пасть.

Офис на вершине «Лахта-центра» дышал стерильностью: панорамные окна в пол, за ними Петербург тонул в сером дождевом мареве. Внутри — запах дорогой кожи кресел и озона от кондиционеров, воздух тяжёлый, как ртуть. Менеджеры и секретари в коридоре — восковые фигуры в костюмах, лица в экранах. Моё тело — сто девяносто сантиметров мышц, сто килограммов живой плоти — здесь аномалия, биологический сбой в мире алгоритмов.

Я чувствую стеклянную стену между нами. Мой сканер работает: под маской успешного бизнесмена — Даниила Владимировича Воронцова, президента «Сибирь-Инвест», заперт в клетке собственной гордыни, одинокий, холодный человек. Глаза усталые, чуть покраснели. Но взгляд твердый, как всегда. Жесты уверенные и властные, улыбка — протез. В последние несколько лет, когда встречаюсь с отцом, не пойму, он действительно рад меня видеть или это общение, просто ради галочки. Встреча с сыном-ритуал соблюден. Невидимая стена становится плотнее, с каждой встречей.

Но внутри меня борется другое. Благодарность. Отец растил меня один, любил как умел. Учил честности, защищать слабых, справедливости. Раньше он был другим — инженером-геодезистом, папой, радостным и добрым, к которому хотелось прижаться. Мы дурачились часами: он подбрасывал меня под потолок, изображал медведя в засаде. Сибирь была для меня не географией, а сказочным краем, откуда отец привозил запах свободы. Когда он возвращался из экспедиций, от его куртки пахло морозной свежестью, хвоей и шишками. Я верил, что он видит то, что скрыто от всех глубоко под землёй, и это казалось почти магией. «Возьми меня с собой!» — просил я. Он лишь улыбался: «Скоро, сынок, когда подрастёшь».

Но потом магия исчезла. На смену экспедициям пришёл «Большой офис». «Сибирь-Инвест» рос, превращаясь в монстра-холдинга, и этот монстр по капле выпивал из отца всё человеческое. Костюмы-тройки вытеснили походные куртки. Теперь от него пахло дорогим парфюмом — чужим, стерильным. Исчез смех, исчезли походы в кино, парк, наши вылазки. Даже секция муай-тай, которая раньше была нашим общим мужским островом, стала для отца лишь строчкой в графике.

— Пап, ты придёшь на турнир? — спросил я.

— Работа, Артём. Партнёры. Дела. Ты же взрослый, сам справишься, — ответил он сухо.

Я справлялся. И с уроками, которые всегда делал сам, и с одиночеством в пустой квартире. Я продолжал бить по мешку в зале, вкладывая в каждый удар не ярость, а жалость к отцу, который променял живой запах шишек на холодный офис. Я видел, как он теряет себя, и это было первой большой несправедливостью, которую я осознал.

— Где моя мать? Кто она на самом деле? — спросил я прямо.

Маска Даниила треснула. Железная броня — и вдруг микромика: зрачки сузились страхом, уголок рта дёрнулся застарелой болью.

— Арина, — произнёс он впервые. Голос надломился, как лёд под копытами.

Он заговорил о молодости. Горный институт, экспедиция в глухую тайгу. Встретил её там — внучку отшельницы-ведущей, из древнего рода. «Твоя сила не от холдинга, Артём. Ты наследник той древней мощи, что живёт в лесах. Я знал, что когда-то этот момент наступит. Твоя мама, часто мне повторяла, что время придет и ты пойдешь путем, о котором я мало что знаю. Она называла его, астральный путь. Я как мог, готовил тебя к нему.

Слова ударили фиолетовой вспышкой в сознании. Это объясняло всё: мою нечеловеческую выносливость на ринге, интуицию, тот странный гул в венах по ночам и мои сны. Сны, в которых я отправлялся далеко, за пределы Земли. Сибирь, мама Арина — ключ к той магии, которую отец потерял.

Я вышел.

Глава 2 Муай-тай

Мне было жаль отца. Он сам не до конца понимал почему.

Уже повзрослев, я часто разговаривал с самим собой — с единственным человеком, который способен сказать правду без прикрас. И в этих тихих внутренних диалогах я снова и снова приходил к одному: отец был совсем один. Без подруги, без близких друзей, без того, кому можно было бы просто позвонить не по делу.

Я был благодарен отцу. За то, что тот не отдал его в интернат. За то, что дал ему любовь, заботу, образование — как умел. Я учился в СПбГУ на факультете иностранных языков, и учёба давалась ему легко. Английский, испанский, китайский, тайский — всё это он впитывал быстро, без напряжения. Я любил языки не потому, что это было престижно, а потому, что они открывали двери в чужие миры.

Когда я вышел из офиса отца, холодный воздух ударил в лицо. Дождь мелкой пылью оседал на плечи. Я сел в машину и выехал в город, где всё было мокрым, серым и бесконечно чужим.

Дорога домой, на Васильевский остров, всегда успокаивала его. Но не сегодня.

Сегодня я думал об отце. О том, каким тот был раньше — весёлым, живым. О том, как однажды, когда я перешёл на первый курс, Отец, просто отдал ему ключи от квартиры и сказал: «Сын, хочу, чтобы ты рос самостоятельным. Я, если что, всегда рядом».

Я жил там один. Одиночество давно стало привычкой, но привычка не делала его легче.

Когда мне было восемь, отец привел меня в секцию муай-тай или как его еще называют тайский бокс. Тренер не хотел меня брать, слишком мал, но отец умел располагать к себе людей. Меня взяли. Потом были лета в Таиланде: утром тренировка, потом языки, потом снова тренировка. Америка, Канада, Австралия, Южная Корея, Япония — я общался со всеми, и мне было искренне интересно, как живут люди за горизонтом.

Тайцы вошли в мою жизнь глубоко. Буддизм, храмы, традиции, мягкость и достоинство — всё это я не просто уважал, я это полюбил. Мне нравилось сидеть на пляже, скрестив ноги, наблюдать дыхание и отпускать мысли. Там я научился тишине.

Я ехал домой и молчал. Под колёсами шуршал мокрый асфальт, впереди мерцали огни Васильевского острова. Я понимал: отец дал ему всё, что мог. Воспитал, дал образование, путь, дисциплину, силу. Любил, как мог. Всего этого уже не мало.

Но вместе с благодарностью во мне жила и другая правда — тихая, тяжёлая.

Отец был один. Я был один и вместо того чтобы стать ближе друг к другу, между ними наоборот, росла невидимая стена.

Глава 3. Зов

Я припарковал BMW X3 на своем месте в подземном гараже, двигатель затих с тихим урчанием, эхом отразившимся от бетонных стен. Отец, после окончания универа, дал мне ключи

чи, со словами—Держи, знаю что балую. Но ты заслужил. Поздравляю с красным дипломом.— Аккуратно на дорогах, Конечно мне было приятно получить такой подарок. Но для меня это было просто средство передвижения. Красивое и быстрое.

Шаги мои гулко отдавались, пока я шел к лифту, мысли все еще кружили вокруг отца — его одиночества, наших отношений, мамы, которую зовут Арина и оказывается поэтому меня назвали Артем. Стоял гула в голове, разговор в офисе не отпускал. Астрал шептал, далекий и настойчивый, как эхо тайги.

— Артем, привет! А я как раз недавно тебя вспоминала, — раздался голос за спиной, легкий, с той игривой ноткой, что всегда сквозила в ее речи.

Я обернулся, Маша, соседка с этажа выше. Эффектная, лет тридцати, с зелеными глазами, что ловили свет ламп, аккуратным носом и губами, пухлыми ровно настолько, чтобы казаться приглашением. Длинные черные волосы спадали водопадом на плечи и ниже, обрамляя стройную фигуру ростом около 175 сантиметров. Она притягивала взгляды мужчин в нашем доме — и не только здесь. Порше на парковке, дизайнерские шмотки, мечты о жизни на Лазурном берегу и счетах в банках ОАЭ или США, а не в каких-то российских. Умная, целеустремленная, она ставила цель жить “по полной”, как сейчас говорят. Хотела, чтобы и я шагнул в ряд ее поклонников, но ни уловки, ни манипуляции не цепляли. Я бы нужен для коллекции обожателей, не более. Внешне она мне нравилась — фигура, глаза, уверенная походка. Но на этом все. Она была не плохой, просто... не для меня. Я видел глубже: ее чары — маска для охоты, а под ней пустота, такая же стерильная, как офис отца.

— Как дела? Давно не виделись, — продолжила она, подходя ближе, улыбка накрашенных губ сверкнула в полумраке.

— Наверное, у нас разные ритмы жизни, — задумчиво ответил я, кивая. Мой сканер работал: легкий наклон головы, блеск в глазах — расчет, не искренность.

— Ой, представь, а у меня машина сломалась. Мастер сказал, какая-то важная, дорогая деталь в двигателе полетела. Теперь ждать из Германии, и сколько — непонятно. Вот бегаю на своих двоих. Ну, зато не наберу лишних килограммов, — она рассмеялась, кокетливо взмахнув волосами.

Я смотрел на нее секунду дольше, чем нужно, чувствуя, как гул в голове усиливается — не от нее, а от чего-то большего. Отец, Арина, Сибирь. Зачем тратить время на игры?

— Сочувствую, — сказал я спокойно, выуживая из кармана ключи с брелоком и документы на автомобиль. Протянул ей. — Вот, возьми. Я уезжаю — не знаю, на сколько. Мое парковочное место ты знаешь. Удачи тебе. Увидимся.

Ее глаза расширились — зрачки вспыхнули удивлением, смешанным с триумфом.. Ключи звякнули в ее ладони, пальцы на миг сжали мои, теплые и настойчивые.

— Артем... Серьезно? Ты уверен? Это же твоя тачка!

— Уверен. Используй. Мне пора.

Я нажал кнопку лифта, двери разъехались с шипением. Вошел, не оборачиваясь. За спиной — ее голос, говорящий что-то еще, но я уже был в другом ритме. Лифт пополз вверх, а в голове зазвучал зов астрала громче: Звездный Брат ждал. Арина звала. Отец остался внизу, в сером мареве. А я — наследник тишины — шагал в тайгу своей крови.

Артем стоял посреди комнаты, и все внутри него кричало одно: ты тут чужой. Чужой в этом городе восковых лиц, где люди прятали живые глаза за серыми масками, где даже воздух казался выученным, как деловой тон отцовского офиса. Петербург молчал, но это молчание не успокаивало. Оно давило. Оно выталкивало.

И все же сильнее этого давления был зов.

Не мысль. Не фантазия. Не страх.

Зов тянул его к матери.

Сердце и мозг вдруг впервые за долгое время говорили одно и то же: в путь. Там твой путь. Там твоё предназначение, о котором ты ещё даже не подозреваешь. Не в кабинете отца, не в этом городе дождя и стекла, не среди чужих людей, а где-то дальше — туда, где имя Арина перестает быть тенью и становится дорогой.

Артем медленно провел ладонью по лицу, будто хотел стереть с себя тяжесть этого вечера. Внутри уже не было сомнений, только странная, упругая ясность. Он подошел к шкафу, достал большой спортивный рюкзак Fairtex — тот самый, с которым прожил столько лет, что он давно стал частью его самого. Потертая ткань, знакомые молнии, запах зала, Таиланда, пота, перчаток, дороги. Не вещь — продолжение тела.

Он начал собирать самое необходимое. Документы. Зарядку. Несколько смен одежды. Спортивные вещи. Все быстро, почти автоматически, как человек, который давно ждал момента, но не признавался себе в этом.

Комната оставалась тихой, только короткие звуки собираемых вещей нарушали ее покой. Артем застегнул рюкзак, накинул его на плечо и на секунду остановился у двери. В этот миг ему стало ясно: он уходит не от чего-то, а к чему-то. К матери. К астралу. К тому неизвестному, что уже дышало рядом. К Звездному Брату, чье присутствие он ощущал все отчетливее — не глазами, а чем-то глубже.

Он открыл дверь и вышел из квартиры.

За спиной осталась тишина. Впереди начинался путь.

Глава 4. Мама

Самолёт коснулся полосы так мягко, будто не садился, а возвращался домой. Я открыл глаза ещё до того, как шасси окончательно стихли, и несколько секунд сидел неподвижно, слушая низкий гул двигателей. За иллюминатором Сибирь была не той, что жила в моих детских воспоминаниях, — не сказочной и не открыточной. Она встретила меня серым небом, широким аэродромным полем и сухим, холодным воздухом, в котором уже чувствовалась глубина земли.

Я вышел из самолёта последним. На трапе ударил в лицо запах — мороз, металл, хвоя где-то далеко. Рюкзак Fairtex висел на плече, как старый боевой спутник.

Сибирь встретила меня молча. Не враждебно — внимательно. Здесь не было суеты Петербурга, не было восковых лиц и офисного гула. Воздух казался плотнее, небо ниже, а пространство — честнее. Я стоял у выхода из аэропорта и смотрел на дорогу, уходящую в бесконечную серую даль. Всё внутри шептало, что я уже был здесь. Не сейчас — когда-то раньше.

Я поймал такси. Водитель мельком глянул в зеркало, кивнул. Машина покатила по широкой дороге, и я, глядя в боковое стекло, впервые за долгое время ничего не пытался анализировать. Я просто смотрел. На низкие дома, на редкие сосны, на снег, лежащий по обочинам жесткими пластами. Сибирь не казалась мне местом. Она казалась состоянием.

И в этом состоянии постепенно поднималось другое ощущение — острое, как тонкая нить, натянутая под сердцем. Мама

Имя Арина не уходило из головы с тех пор, как отец произнёс его в кабинете. Тогда я впервые увидел, как дрогнула его железная фигура. Теперь имя стало не воспоминанием, а направлением. Я откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза. Внутренний голос говорил просто: ты тут не случайно. И другой, более глубокий, отвечал: в путь.

Такси свернуло с трассы. Я открыл глаза. Слева потянулись сосны, темные и неподвижные, как часовые. Впереди распахивалась белая, бездонная тишина. Я медленно выдохнул, положил ладонь на рюкзак и впервые за долгое время почувствовал не потерянность, а движение. Будто сама земля принимала мой шаг.

Отец дал мне не адрес, а координаты — точку где-то в сибирских лесах. В аэропорту Красноярска меня окружили таксисты. Я показывал листок с координатами одному, другому, третьему — и почти все качали головами.

Только один не отвёл взгляда.

Хмурый мужик лет пятидесяти, с тяжелым лицом, в потертой куртке. Он долго смотрел на меня, на мои городские шмотки, на рюкзак. Потом сплюнул и сказал грубо:

— На хрена тебе в такую глушь? Деньги вперед. И если где сломаемся — расходы на тебе. Надолго туда?

— Поехали, — сказал я. — На месте видно будет.

Он молча кивнул и повёл меня к старому, но крепкому УАЗу.

Дорога тянулась долго. Сначала шоссе было ещё терпимым: поселки, бензоколонки. Потом асфальт редел, сменялся грунтом. Сибирская природа раскрывалась медленно и мощно: широкие пространства, потом река — тяжелая и холодная, как стальная жила. Берега покрывал почти чёрный лес, дальше пошли подножия гор — древних, спокойных, будто стоявших здесь задолго до людей.

Таксист несколько раз сбавлял скорость, ворча на колеи. И вдруг, за поворотом, мы увидели место, от которого у водителя даже рот приоткрылся. У самой реки, у подножия гор, стояли два крепко срубленных дома — добротных, ладных, не местных по духу.

— Ты глянь, — хмуро выдохнул он. — В этих краях таких нет... Они как из другого измерения.

Я смотрел на дома и понимал: так оно и есть. Только это измерение называлось «Сибирь-Инвест». Отцовский след. Его невидимая рука, которая все эти годы не обрывала связь с матерью.

Я увидел её не сразу.

Сначала — силуэт у дальнего дома, тонкий, неподвижный, будто вырезанный из сумерек. Потом она сделала шаг навстречу. Она шла медленно, без суеты, в простой тёмной одежде, и в её движениях было что-то удивительно спокойное, почти лесное. Не старость — глубина. Лицо загорелое, глаза ясные, внимательные, как у человека, который слишком долго жил среди тишины и научился её слушать.

Я застыл.

Она посмотрела на меня так, будто узнала сразу — не по лицу, а чем-то глубже.

— Артём... — тихо сказала она.

— Мама? — выдохнул я.

Она кивнула. И в этом коротком движении было столько боли, столько сдержанности и такой бесконечной нежности, что у меня защипало глаза.

Я подошёл ближе. Она не бросилась ко мне, не заговорила сразу. Просто смотрела, как мать смотрит на сына, которого давно ждала.

— Здравствуй мама, — сказал я глухо.

— Добро пожаловать сынок — ответила она. — Ты всё-таки нашёл дорогу. Вот и пришло это время.

За спиной у меня стоял таксист, неловко переминаясь у УАЗа. Он кашлянул:

— Ну чё, я поехал, или как?

— Езжай. Спасибо, — тихо сказал я.

И где-то глубоко внутри шевельнулось чувство, как подтверждение: да, ты пришёл туда, куда должен был.

Глава 5. Разговор, от которого мурашки

Я молчал. Слишком долго для обычного разговора. Но сейчас это молчание не казалось пустым. Я смотрел на маму и вдруг понял: все эти годы я жил с одной и той же незримой занозой. Я считал, что отец просто отдалился, выбрал работу вместо семьи. А теперь всё рушилось и собиралось заново. Не бросил. Не воздвиг между нами стену.. Подготовил.

Я медленно провёл ладонью по лицу. Внутри поднималось что-то тяжелое, горячее. Не злость. Скорее стыд — за то, что так долго смотрел только на поверхность.

Отец. Я вспомнил его короткие, скупые прикосновения к плечу. Его редкие попытки сказать что-то теплое — и тут же спрятать это за сухой фразой. Вспомнил, как он наблюдал за мной во время тренировок. Я видел это. Просто не умел тогда прочесть.

— Значит, он всё это время знал? — спросил я тихо.

— Не всё, — сказала мама. — Но достаточно, чтобы перестать сомневаться.

Я опустил взгляд на землю. Влажная, тёмная почва, смешанная с хвоей. Простая земля. Но сейчас она казалась мне тяжелее любого мрамора.

— Он любил меня, да? — спросил я почти шёпотом.

— Очень, — сказала она. — Просто по-своему. Так, как умел, сынок.

Я вдохнул глубже. Лес вокруг стоял неподвижно, река шумела где-то внизу. Я принял правду. Принял отца.

Я не знал, с чего начать. Стоял перед мамой, как мальчишка, и впервые за долгое время чувствовал себя потерянным.

— Он тебе ничего толком не рассказывал, да? — тихо спросила она.

Я только качнул головой.

Она сказала, что все эти годы отец передавал ей мои фотографии и видео: учёба, тренировки, соревнования. Раз в год к ней приезжали его люди — те самые, через которых он передавал всё это в глушь. И дома построил не случайно. Это место — его рук дело.

Потом она рассказала о себе. Жила с бабушкой — внучкой офицера белой армии. Их род приехал сюда давно, спасаясь вместе со староверами. А потом она встретила отца в лесу. Он был ещё другим — живым, простым, настоящим. И она влюбилась с первого взгляда.

Но уехать с ним в Петербург не смогла.

— Моё место здесь, — сказала мама. — С бабушкой, с лесом, с рекой. Это мой дом.

Она произнесла это спокойно, как очевидность. И я вдруг понял: передо мной не женщина, которую потеряли. Передо мной человек, который сделал выбор.

— Ты на него похож, — добавила она. — И на меня тоже.

И после этих слов я впервые за долгое время почувствовал не пустоту, а слияние двух рек внутри себя.

— Похож на нас, но ты другой, — продолжила мама — Душа у тебя другая. Я поняла это ещё тогда, когда носила тебя под сердцем. Я чувствовала: тебе суждено не просто жить, не просто повторить чью-то судьбу. Твой путь — другой.

Я молчал. Внутри всё постепенно сдвигалось.

— Я говорила отцу, что у тебя будет своя миссия. Он сначала думал, что я просто чудю. Но потом мои слова начали сбываться.

Я медленно опустил взгляд. Теперь всё вставало на свои места. Не холодность. Не равнодушие. Он просто растил меня так, как считал единственно правильным. Сдержанно, требовательно, иногда жестко. Но не из пустоты. Из любви.

И тогда мне стало ясно ещё одно. Моя жизнь не была случайным набором обстоятельств. В каждом из решений было направление. Подготовка. Тихое, упрямое ведение к точке, где я стою сейчас.

Мама долго молчала, собираясь с мыслями.

— Душа у тебя не земная, Артём, — сказала она наконец. — Не в том смысле, что ты не человек. Человек. Из плоти, крови, боли. Но твоё сознание пришло сюда не впервые. И не отсюда оно родом.

— Что это значит? — нахмурился я.

— Ты помнишь больше, чем обычный человек, даже если пока помнишь не умом, а ощущением. Ты тянешься к звёздам не потому, что это красиво. А потому, что твоя глубинная природа уже была там, где для Земли ещё нет слов.

Она подняла взгляд на небо. Серое сибирское небо было низким, тяжелым, но за этой серостью я вдруг ощутил бесконечность.

— Когда сознание выходит за пределы тела, оно оказывается не просто во сне. Оно входит в реальность другого уровня. Это переход. И ты умеешь это с рождения, потому что внутри тебя есть память о других мирах.

Я чувствовал, как по коже бегут мурашки. Это было слишком странно, слишком точно и слишком похоже на правду.

— Значит... я не просто вижу эти места во сне?

— Нет, — ответила она. — Ты бывал там.

— Почему же я почти ничего не понимаю?

— Потому что память души не открывается сразу. Она просыпается слоями. Тебе дали только то, что ты способен вынести и осознать.

Она помолчала и добавила:

— Всё, что ты переживал в этих снах, не было случайным. Те миры тебе не мерещились. Они отзывались на тебя. Если ты их помнишь, значит, связь жива.

— И что мне теперь с этим делать?

Она посмотрела на меня очень прямо.

— Понять, зачем ты здесь. И принять, что твой путь шире Земли.

Глава 5 Не выдуманная сказка

Мы сидели на веранде. Мама поставила передо мной глиняную миску с чем-то густым, пахучим. Я попробовал. Остро. Потом тепло. Потом вдруг спокойно.

— Ты хорошо готовишь, — сказал я.

Она улыбнулась краешком губ.

— Здесь по-другому нельзя, сынок. Лес не прощает пустоты. Если готовишь без души — еда будет горькой.

После ужина она кивнула на поленницу:

— Поможешь?

— Конечно.

Я взял колун. Удар — и полено распалось на две ровные половины. Мама отвернулась и тихо сказала:

— Настоящий.

Потом мы занесли дрова в дом. Мама затопила печь, и я впервые за долгое время просто сидел у огня, смотрел на живое пламя и не пытался ничего анализировать.

Мама села напротив, поджав ноги по-тайски, и спросила:

— Помнишь, как ты просил у отца сказку?

Я вздрогнул.

— Откуда ты...

— Он передавал мне всё, сынок. Даже твой шёпот в три года, когда ты не мог уснуть.

Я замолчал. Потом кивнул.

— Помню. Я говорил: «Пап, расскажи что-нибудь. Только не выдуманное. А по-настоящему».

Мама долго смотрела на огонь.

— Тогда слушай.

Сказка, которая не была выдуманной

— Давно, — начала она, — задолго до того, как на Земле зажглись первые костры, был только Источник. Не свет, не тьма, не добро и не зло. Просто всё сразу.

Источник хотел познать себя. Но как познать, если ты — всё? Не с чем сравнить. И тогда он разделил себя на искры. Каждая искра упала в пустоту и стала миром. Одни миры получились горячими, другие — холодными, третьи — как Земля: мокрыми, солёными, живыми.

Но проблема была в другом. Искры, ставшие мирами, начали забывать, что они — часть Источника. Они возомнили себя отдельными.

— Это про нас? — спросил я.

— Это про всех, — ответила мама. — Но есть те, кто помнит. Их мало. Шаманы, монахи, ведуны. Но суть одна: они не разорвали нить.

Когда Источник увидел, что миры забывают себя, он создал Хранителей — сущностей, которые не имеют своего тела, но могут проходить сквозь любые границы. Их задача — напоминать. Будить. Звать домой.

Огонь тихо щёлкнул.

— Но Хранитель не ведёт тебя за руку, — продолжила мама. — Он не говорит: «Иди туда». Он просто стоит рядом. Иногда за спиной. Иногда на границе сна.

— Почему он не говорит прямо?

— Потому что прямой ответ лишает выбора. А выбор — это единственное, что делает искру живой, сынок.

Я посмотрел на свои руки.

— Мам... а я справлюсь?, — сказал я впервые за много лет.

Она протянула ладонь и накрыла мои пальцы. Ладонь была сухой, тёплой, с твёрдыми мозолями.

— Сынок, переживать, это нормально. Ты пока, еще сам не знаешь, насколько сильный. Не только телом и кулаками. но и сердцем. Слушай его и делай то, что оно тебе шепчет. А об остальном. не переживай. Пустое это...

Я лежал с открытыми глазами, смотрел в потолок из тёсаных брёвен. Мама спала в соседней комнате — я слышал её редкое, спокойное дыхание. Где-то за стеной возился сверчок. Печь тихо потрескивала углями.

Я прокручивал в голове события этого дня. Фиолетовое сияние в кабинете отца. Арина. Зов астрала. И то, что мама рассказала про неземную душу.

— Сынок, не спишь? — раздался из темноты её тихий голос.

— Не сплю, мам.

Она вошла, села на край кровати. В полутьме её лицо казалось молодым.

— Тяжело?

— Странно, — честно ответил я. — Всё, что ты рассказала... оно слишком большое для одной головы.

— Для головы — да, — она положила ладонь мне на плечо. — А для сердца — в самый раз. Оно знает ответы, на все вопросы. Держись его. Оно твой главный компас, который всегда укажет, нужный путь...

Она помолчала, потом добавила:

— Завтра покажу тебе травы. Научишься собирать. Это успокаивает.

— Хорошо, мам.

Она ушла, а я остался лежать, глядя в потолок.

Глава 6 Оно

Проснулся я от того, что солнце било прямо в лицо.

Мама уже возилась у печи. Завтрак был простым — каша с кедровыми орехами, топленое молоко, хлеб. Мы ели молча, и в этой тишине не было неловкости.

— Сегодня пойдём в лес, — сказала мама, убирая со стола. — Собирать травы. Тебе нужно будет взять с собой в Питер.

— Я думал задержаться подольше, — ответил я.

— Задержишься, куда ты денешься, — она усмехнулась. — Но травы к тому времени высохнут, сложишь в мешок и увезешь.

Лес встретил нас сыростью и запахом прелой хвои.

Мама шла впереди, легко, будто не касалась земли. Я за ней — тяжелее, но с каждым шагом чувствовал, как городская скованность отпускает суставы.

— Иван-чай здесь, — она показала на высокие стебли с лиловыми метёлками. — Рви только верхушки, вот так. Не тяни корень, сынок. Если сорвать как надо, через две недели куст даст новые побеги.

Я повторял за ней. Кипрей, душица, зверобой — она называла каждое растение, показывала, как отличить от поганки-двойника. В её голосе не было лекторской назидательности. Только спокойная уверенность.

Мы вышли к реке неожиданно. Лес расступился, и передо мной открылась широкая, тёмная гладь, в которой небо казалось глубже, чем на самом деле.

— Садись, — сказала мама, опускаясь на большой округлый камень. — Ты хотел посмотреть. Смотри.

Я сел рядом.

И тут, глядя на этот плавный, неторопливый поток, я вдруг подумал о Ноях. Не о библейском — о всех. О тех, кто в разных концах земли получил одно и то же предупреждение: вода поднимется, собери пары, спаси семена. Одна и та же история, рассказанная на разных языках. Одна и та же схема: конец одного мира и начало другого.

А что, если это не метафора? Что если потопа — это механизм? Способ сбросить неудачный эксперимент, оставив ровно столько живого материала, чтобы продолжить посев?

Сеятели. Садовники. Те, кто не вырывает с корнем, потому что почва дороже урожая. Они не уничтожают планету — они меняют её обитателей.

«Как мама с этими травами, — пришла неожиданная мысль. — Не рви с корнем. Оставь, чтобы выросло снова».

— Мам, — начал я и вдруг понял, что говорю в пустоту.

Её не было рядом.

Я обернулся. Камень был пуст. Трава вокруг не шевелилась. Я посмотрел вдоль берега — ничего. Только лес, река и тишина, слишком плотная, слишком абсолютная.

— Мам? — позвал я громче.

Ответа не было.

Я встал. Мешок с травами остался лежать на камне. Сделал шаг назад, к тропе, и тут заметил: деревья перестали быть деревьями. Они стояли на месте, но казались нарисованными, плоскими.

Сердце ёкнуло. Это не сон. Это другое.

Я повернулся к реке.

Она стояла посреди вод.

Женщина. Нет — не женщина. Не человек. Не бог. Не дух. Что-то, для чего человеческий язык не придумал слова. Она была прозрачной и плотной одновременно — как если бы вода, воздух и свет вдруг слепились в форму, которую глаз едва различал.

В этом не было угрозы. Не было и доброты. Оно просто было.

И когда оно посмотрела на меня — сквозь меня — я понял: всё, что я видел до этого, — лишь блики на поверхности. А глубоко под ними лежит нечто, для чего весь космос — только один вздох.

— Ты... — начал я, но голос отказал.

Фигура не ответила. Оно шагнула — и исчезла, растворившись в речной глади.

И сразу — бабахнул мир обратно. Лес задышал, застрекотал, зашевелился. Мама сидела на камне, держа в руках пучок какой-то травы, и смотрела на меня с лёгким недоумением.

— Ты побледнел, сынок. Воды испугался?

Я открыл рот, чтобы рассказать. Закрыл. Потом медленно сел обратно на камень, взял мешок с травами и сказал:

— Нет. Просто задумался. О Ное.

Она посмотрела на меня долгим взглядом и не стала спрашивать дальше. Только кивнула:

— Ной был не первый... И возможно не последний...

Мы вернулись к дому к обеду.

Я нёс мешок с травами. Мама не спрашивала ни о чём, и это молчание было тяжелее любых вопросов. У крыльца я остановился и посмотрел на неё.

— Ты видела? — спросил я.

Она не притворилась, что не понимает.

— Не видела, — сказала она наконец. — Но чувствовала. Вода изменилась, воздух сдвинулся, лес притих на несколько ударов сердца. — Она помолчала. — Такое бывает не часто. И не со мной. С тобой.

— Кто это был?

Мама прошла мимо меня в дом, жестом приглашая следовать за собой. Внутри она налила чай — тёмного, почти чёрного — и подвинула мне кружку.

— В лесу есть то, о чём не говорят вслух, сынок. Не потому, что страшно. Потому что слова делают это плоским. Шаманы называют это по-разному. У нас, в этих местах, старожилы говорят просто: «Оно». Без имени. Потому что имя — это уже попытка приручить.

— Оно была... не человеком, — сказал я, подбирая слова. — И не духом. Не богом. Чем-то за пределами.

Мама кивнула.

— Ты видел то, кто решает не сеять и не жать. Оно — само ткань, сынок. То, что остаётся, когда все эксперименты заканчиваются. Я знала, что оно придёт. Потому что такие, как ты, всегда привлекают внимание этого.

— Такие, как я?

— Те, кто помнят Источник. Те, для кого границы между мирами — не стены, а двери.

— Оно ничего не сказало, — произнёс я.

— А что оно должно было сказать?

— Не знаю. Предупреждение. Откровение. Задание.

Мама усмехнулась — не насмешливо, а с грустным пониманием.

— Ты слишком привык к словам, Артём. Город сделал тебя зависимым от инструкций. Оно приходит не говорить. Оно приходит обозначать. Ты видел это. Это и есть послание,

сын. Теперь ты знаешь, что оно есть. И оно знает, что ты её видел. Всё остальное — твоя дорога.

Ночью я снова не спал.

Мысли о Этом не отпускали. Я перебирал в голове каждое мгновение той встречи — и чем больше думал, тем яснее понимал: оно не пришло дать ответы. Оно пришло сделать вопрос более острым.

Раньше я спрашивал: кто я? Зачем я? Почему помню то, чего не мог видеть?

Теперь вопрос звучал иначе.

Кем я стану, зная то, что знаю?

Я повернулся на бок и вдруг почувствовал — отчётливо, как никогда прежде, — что внутри меня действительно две реки. Отцовская. Материнская.

Но есть ещё третья. Глубже. Древнее. Та, по которой ходило Оно.

Тихо скрипнула дверь.

— Не спишь, сынок?, — спросила мама.

— Не сплю.

Она села на край кровати.

— Утром уезжаешь?

Я кивнул.

— Думаю, что если не уеду сейчас, могу не уехать никогда.

Она убрала руку и посмотрела в окно, на чёрную тайгу.

— Это правда. Тайга держит. Тихо, без цепей, но держит. — Она вздохнула. — И оно будет здесь. Когда закончишь то, что должен.

Она встала, прошла к двери и на пороге обернулась.

— И ещё, Артём. Когда поедешь в Питер, не забудь, что ты не один. Хранитель — он не сторож. Он — твоя собственная память о том, кто ты есть. Доверяй ей. Даже когда она молчит.

Глава 7. Жизнь без эмоций

Ночью мне приснилась странное ...

Я стоял посреди серо-коричневой равнины. Надо мной висело грязно-серое пятно, застывшее в зените, — не солнце, а гнилое око. Оно не дарило тепла. Вокруг была тишина, но не та, что успокаивает, — давящая, гнетущая.

Мимо шли они. Маленькие, не выше ста шестидесяти сантиметров, измождённые тени в чёрных плащах и нелепых шляпах. Их лица цвета старого воска казались масками. Другие, в серых комбинезонах и масках, двигались так же механически.

Я был для них пустотой. Призраком. Пока в какой-то момент не почувствовал, как моё тело обретает плотность.

Один из них остановился. Пожилой мужчина замер и впился в меня взглядом. В его глазах не было страха — только сухой, профессиональный интерес.

— Кто ты? Откуда? — спросил он.

— С Земли, — ответил я.

— Значит, землянин. Впервые вижу твой вид. Ты странный. Высокий. И это голубое сияние... оно необычно.

— Как называется этот мир?

— Ты на планете Зуга.

Я огляделся. Сотни жителей продолжали свой путь, не поднимая глаз. Ни слова, ни жеста, ни случайного касания.

— Почему вы такие? — вырвалось у меня. — Почему никто не смотрит друг на друга?

Он посмотрел на меня иначе. Наши взгляды встретились — и сомкнулись. Граница между «мной» и «ним» истончилась, превращаясь в мост. Информационный поток хлынул в моё сознание.

Я увидел обрывки огненного ада. Великая война видов. Зуга когда-то принадлежала двум цивилизациям, пока они не решили стереть друг друга в порошок. Разрушительное оружие выжгло поверхность, заставив остатки народа уйти под землю.

Там, внизу — царство машин. Города-заводы. Женщин осталось всего несколько сотен. Понятие «ребёнок» исчезло. Новых граждан выводят в лабораториях, отсекая всё лишнее — любовь, гнев, радость. Всё, что мешает функционированию системы.

Они не были усталыми. Они были идеально рациональными деталями в механизме мёртвой планеты.

— Когда-то мы были такими же, как вы, — прошелестел голос зугунина. — Мы чувствовали всё. Но именно чувства стали детонатором. Эмоции привели к войне. Новое Правительство решило, что прогресс невозможен в хаосе страстей. У новых поколений отключают отделы сознания, отвечающие за чувства. Рациональность, дисциплина, труд и знания. Это наш единственный путь.

Внезапно воздух прошил тонкий, невыносимо свербящий звук. Я огляделся и заметил чёрные столбики, вкопанные в землю. На их вершинах светились огоньки. Именно оттуда исходила парализующая волна.

Люди вокруг замерли. Весь поток превратился в лес изваяний.

Через установившиеся канал связи я считал его мысль: «Служба безопасности. Система захвата. Твое появление не прошло незамеченным».

Меня обожгло чувство вины — я подставил это существо. Но сделать ничего не успел. В следующий миг я почувствовал резкий рывок, будто невидимый шнур, привязанный к солнечному сплетению, со свистом втянулся обратно.

Я открыл глаза.

В ушах всё ещё стоял тот тошнотворный зуммер, а в сознании крутилась последняя фраза зугунина: «Всё должно приводить к прогрессу и развитию».

Я сел на кровати, глядя на свои руки. Они больше не сияли голубым. Но холод Зуги, где рациональность победила жизнь, кажется, навсегда остался где-то под кожей.

Я посмотрел на часы. Было три пятнадцать.

Хотелось пить. Я аккуратно приподнялся, чтобы не разбудить маму, и протянул руку к стакану с остывшим чаем из таёжных трав. Глоток. Ещё один. Даже остывший, чай был приятным и душистым.

В голове вертелся один и тот же вопрос: «Ради чего?» Он колотил в висках громче пульса. Ради чего нужен этот их прогресс? Чтобы построить совершенные города-склепы внутри мёртвой планеты? Чтобы быстрее синтезировать безвкусную еду и выводить рациональных рабов в пробирках?

Я смотрел в потолок и видел не побелку, а невидимую паутину. Крупные корпорации, банки, марионеточные правительства — гигантский механизм, где уже невозможно разобрать, кто кукловод, а кто кукла. Мы, люди, мним себя венцом творения. Но что мы такое для самой Земли? Клетки её Души? Или паразиты, которые заставляют планету содрогаться?

Я наконец понял природу своей тоски. Той самой, что накатывала, когда я смотрел на «инстаграмные» ценности, на дружбу, похожую на бартер, на чувства, превращённые в товар. Прибыль, власть, амбиции — суррогат жизни.

Раньше я гнал эти мысли. Убеждал себя: «Так устроен мир, Артём. Ты ничего не изменишь». Но теперь, после безмолвного крика Зуги, я почувствовал на клеточном уровне: эксперимент не удался. Парадигма отношений — вот где скрыт код ошибки. Если мы не научимся

видеть друг в друге не ресурс, а свет, эксперимент в очередной раз просто свернут. Те кто то его начал...

Глава 8. Ты наследник тишины

Утро пришло серым, но не тяжёлым. Таким бывает только сибирское утро — когда небо висит низко, но дышится легко, будто сам воздух за ночь отстоялся и стал чище.

Я проснулся до рассвета. Мама уже не спала — я слышал, как она двигалась в доме, негромко звякала посудой, шуршала тканью. Собирала меня. Не словами — всем своим присутствием.

Я встал, умылся ледяной водой из рукомойника у крыльца. Кожа горела. Хорошо.

В доме пахло травяным сбором и свежим хлебом. Мама молча поставила передо мной миску с кашей, рядом — кружку с только что заваренным иван-чаем. Я ел, и каждое движение ложки было тяжелее предыдущего, потому что я понимал: это последний завтрак. Здесь. С ней.

— Мам, — начал я и замолчал. Слова застревали.

— Знаю, сынок, — тихо ответила она, не поднимая глаз. — Ты всегда не любил прощаться. Даже в детстве. Я помню, как ты забирался под одеяло с головой, чтобы не видеть, как я ухожу в лес. Думал, раз не видишь — значит, и расставания нет.

Я невесело усмехнулся. Она помнила всё. Даже то, что я сам уже забыл.

После завтрака я вышел на крыльцо затануться свежим воздухом. Мама вышла следом. Она держала в руках небольшой льняной мешочек, перетянутый грубой нитью, и потёртую кожаную сумку.

— Вот, — сказала она, протягивая мне сначала мешочек. — Травы, которые мы вчера собирали. Я добавила туда ещё несколько — от дурного сна, от тяжёлой мысли, от тоски по дому. Заваривай кипятком, пей не спеша. Они будут говорить с тобой, если научишься слушать.

Я взял мешочек. Пальцы ощутили тепло — или это показалось? — и лёгкую вибрацию, будто внутри действительно билось что-то живое.

— А это, — она протянула сумку, — тебе для отца. Передай, когда вернёшься. Скажи, что я... что я всё ещё здесь.

Она сказала это ровно, без надрыва. Но я услышал. Годы. Расстояние. Выбор, который они сделали оба, и плата за этот выбор — одиночество, которое никто из них не заслужил.

— Передам, — сказал я коротко.

Мы стояли молча. Тишина между нами была не пустой — она гудела голосами всех тех лет, что мы не видели друг друга. И в этой тишине вдруг стало понятно: она не отпускает меня. Она просто не держит.

— Мам, — сказал я снова, уже твёрже. — Ты тогда на реке... ты знала, что там появится Оно?

Она долго смотрела в сторону леса, потом перевела взгляд на меня.

— Знала, — сказала она наконец. — Не умом. Тем, что глубже. Ты притягиваешь таких... сущностей, Артём. Не потому, что особенный. Потому что открытый. Ты не строишь стен, даже когда тебе больно. И это редкое качество в мире, где все прячутся за броней.

Она помолчала.

— Оно не опасно для тебя. Запомни это. Оно — не враг и не друг. Оно — контекст. Как воздух, как время. Но оно будет приходить. И каждый раз ты будешь видеть больше. Потому что оно — зеркало. И чем глубже ты заглядываешь в себя, тем больше оно показывает.

— Я не понимаю, — честно признался я.

— И не надо. Понимание придёт потом. Сейчас — просто живи. Будь здесь, когда ты здесь. Будь там, когда ты там. И не бойся тишины. В ней — не пустота. В ней — ответы, которые не умещаются в слова.

Я шагнул к ней. Она — ко мне. Мы обнялись — недолго, но так, что хрустнули позвонки. От неё пахло лесом, дымом и чем-то давним, почти забытым — тем самым запахом, который я когда-то чувствовал на отцовской куртке, когда он возвращался из экспедиций. Хвоя. Свобода. Дом.

— Сынок, — прошептала она мне в плечо, и впервые за всё время голос её дрогнул. — Ты — моя самая большая радость и самая тихая гордость. Я не была рядом, когда ты рос. Не водила в школу, не лечила твои ссадины, не читала тебе на ночь. Но я смотрела. Все эти годы. Через отца, через его людей, через сны, которые ты иногда видел моими глазами. Ты не один. Никогда не был один.

Я сжал зубы, чтобы не показать, как сильно резануло.

— Я знаю, — выдавил я.

Она отстранилась, посмотрела мне в глаза — прямо, строго, по-матерински.

— И ещё. Последнее, самое важное. Ты пойдёшь по пути, который никто до тебя не проходил. Не потому, что ты избранный. Ты не хуже, ты не лучше-ты другой.. Твоя сила не в кулаках, хотя они у тебя отличные, — она усмехнулась краешком рта, — и не в деньгах отца. Твоя сила — в способности слышать то, что другие заглушили. Видеть то, на что другие закрыли глаза. Чувствовать там, где другие отключили сердце.

Она положила ладонь мне на грудь, туда, где билось сердце.

— Здесь твой компас, Артём. Не в голове. Не в расчётах. Не в амбициях. Здесь. Если заплутаешь — слушай его. Оно не врёт. Даже когда говорит тихо.

— А если я не справлюсь? — спросил я то, что сидело во мне всё это время, с самого разговора в кабинете отца. — Если этот путь... если он сломает меня?

Мама убрала руку и посмотрела на тайгу.

— Сынок, — сказала она медленно, — путь уже сломал тебя. Давно. Ещё в Питере, когда ты сидел в пустой квартире и слушал, как тишина гудит громче любого разговора. Ты уже сломан. Как и все мы. Вопрос не в том, чтобы не сломаться. Вопрос в том, чтобы собрать себя заново. По-другому. Сильнее. Честнее.

Она повернулась ко мне.

— И помни: наследник — это не тот, кто получил. А тот, кто продолжает. Ты — наследник не денег, не имени, не бизнеса. Ты — наследник Тишины. Той самой, из которой всё родилось. И в которую всё вернётся. Живи достойно этого дара.

Она шагнула назад. Разговор был окончен.

Я хотел сказать ещё тысячу вещей. Спросить о том, кто она на самом деле. О бабушке. О роде. О том видении на реке. Но понял: не время. И не здесь.

Я подхватил рюкзак Fairtex, повесил на плечо сумку, которую она передала для отца. Мешочек с травами спрятал во внутренний карман куртки — ближе к сердцу.

— Я приеду ещё, — сказал я.

— Знаю, — ответила она.

Я пошёл к дороге, где меня уже ждал тот же хмурый водитель на УАЗе. Он курил, прислонившись к капоту, и делал вид, что ничего не видит и не слышит.

Я обернулся только раз.

Мама стояла у крыльца, прямая, тонкая, как свеча. Не махала. Не плакала. Просто смотрела.

И в этом взгляде было всё: прощание и обещание. Боль и гордость. Пустота, в которой — всё сразу.

Я кивнул. Она кивнула в ответ.

И я пошёл. Не оборачиваясь больше.

Потому что знал: если обернусь сейчас, то не уйду. А остаться — нельзя. Не потому, что некуда. Потому что не время.

УАЗ фыркнул двигателем, дёрнулся и покатил по разбитой дороге, увозя меня из тишины обратно в шум. Я смотрел в боковое зеркало, пока дом не превратился в точку, а потом и точка исчезла за поворотом.

И только тогда я позволил себе выдохнуть.

В салоне пахло бензином и старым сиденьем. Водитель молчал, и это было правильно.

Я закрыл глаза и положил руку на внутренний карман, где лежали травы.

Они были теплыми

Глава 9. Предчувствие

Поиск ответов превратился в одержимость.

Я больше не мог просто ходить по улицам, пить кофе и делать вид, что мир — это только то, что мы видим в витринах. Если есть урожай, значит, кто-то подготовил почву.

Я начал искать зацепки в истории, в мифах, в запрещённых текстах. И однажды, в пыльном букинистическом подвале, я наткнулся на странный дневник ученого-астронома начала XX века. Там не было формул давления, зато были схемы «пятен» в небе, которые он видел во время северного сияния. Он называл их «Линзами Наблюдателей»

В дневнике была глава о богах, которых астроном назвал Сеятелями.: Сеятеля — не боги в белых одеждах. Это садовники, для которых мы — лишь биологическая масса. Им не важна наша поэзия или страдания. Им важен результат. Но какой им нужен был результат, он не раскрывал.

В ту ночь я снова вышел на балкон. Небо было затянуто тучами, но я думал, возможно, за ними, в безвоздушном пространстве, висят невидимые глазу структуры Сеятелей.. Они не вмешиваются. Просто фиксируют параметры.

И тут я почувствовал холод в животе. Тот самый «энергетический шнур» снова натянулся. Сеятеля не приходят, когда всё хорошо. Они приходят «полоть сорняки», когда показатели отклоняются от нормы.

— Вы здесь? — прошептал я в пустоту.

Ответом была тишина.

Утром я проснулся от того, что солнце било прямо в лицо.

Встал, умылся, заварил травяной чай — уже автоматически. И только отхлебнув, вспомнил вчерашнее.

Я вышел на улицу без цели. Просто пошёл, доверяя ногам. Город был серым и влажным. Люди обходили меня, погружённые в свои телефоны, списки дел. Никто не видел, что творится на самом деле.

И вдруг ноги привели меня туда, где я никогда раньше не был.

Маленький сквер между двух доходных домов — тот самый петербургский «двор-колодец», не видимый с улицы. В центре — чугунная скамья, старая, с прогнувшимися спинками. Вокруг — ни души.

Я сел. И сразу понял: это место. Не потому, что здесь было что-то особенное. А потому, что здесь не было ничего. Только бетон, чугун, редкая трава между плит и тишина.

Вечером я позвонил отцу.

— Артём? — его голос был ровным, будто он ждал звонка.

— Да, пап. Привет. Я в городе.

— Как съездил?

Я замялся. Как ответить на этот вопрос?

— Нормально, — сказал я. — Много думал.

— Как ты сам?

— У меня все под контролем. — У тебя голос какой то другой.

— Кажется, я меняюсь, — сказал я медленно. — Внутренне. Как будто во мне что-то просыпается.

Отец молчал. Я испугался, что сейчас он скажет что-то вроде «это возрастное».

— Что именно? — спросил он тихо.

Я выдохнул. Он спросил не «почему», не «с чего ты взял» — именно «что».

— Мысли, — ответил я. — Странные. Как будто не мои. Сегодня ночью что-то произойдёт. Я чувствую.

— Будь осторожен, — сказал отец.

— Обязательно.

— И Артём?

— Да?

— Ты всегда был другим, сын. Я это знал. Просто не всегда знал, как с этим быть.

Я закрыл глаза. Горло сжалось.

— Я знаю, пап. Спасибо.

—

Рюкзак Fairtex стоял у порога. Я не стал его разбирать. Не стал включать свет. Просто прошёл на кухню, сел на подоконник и уставился в мокрое стекло.

Город за окном горел тысячью чужих огней.

Внутри меня горело что-то другое.

Три дня прошло с тех пор, как я уехал от маме. Три дня я варился в собственных мыслях, перебирал её слова, пытался уложить их в стройную картину. Не получалось. Они не ложились — они вращались. Где-то под рёбрами, где кончаются объяснения и начинается чистое знание.

Я снял куртку. Мешочек с травмами выпал из внутреннего кармана и глухо стукнулся об пол.

Я поднял его. Пальцы сжали тёплую ткань.

Они будут говорить с тобой, если научишься слушать.

Я положил мешочек на стол. Не открыл. Не заварил. Просто оставил рядом, чтобы чувствовать его присутствие.

Вечер тянулся медленно, как смола.

Я сделал несколько кругов по квартире. Заглянул в спальню — там было темно и тихо. Зашёл в ванную, посмотрел на себя в зеркало. Из отражения на меня смотрели чужие глаза. Мои, но чужие. В них было что-то новое — не вопрос, а ожидание.

Что ты ждёшь? — спросил я себя.

Ответа не было. Но внутри шевельнулось что-то большое. Не мысль. Не страх. Зуд под кожей. Гул в основании черепа. Ощущение, что воздух в квартире стал плотнее, тяжелее, будто кто-то невидимый вошёл и встал у меня за спиной.

Я обернулся.

Никого.

Конечно.

Я выключил везде свет, кроме кухонной лампы над столом. Сел. Положил руки на колени, как учили в Таиланде. Попытался дышать.

Дыхание не слушалось.

Время текло неправильно. Минуты растягивались в часы, часы сжимались в удары сердца. Я смотрел на часы — стрелки почти не двигались. Отводил взгляд — они прыгали на полчаса вперёд.

Сегодня ночью что-то произойдёт.

Я не знал, откуда взялась эта уверенность. Она просто была. Как зубная боль — не спрятаться, не отвлечься. Она сидела во мне и пульсировала в такт чему-то, что я не мог назвать.

В десять вечера я попытался поесть. Не пошло.

В одиннадцать — лёг на диван. Глаза закрылись, но сознание не проваливалось. Я был в странном пограничье: не сплю, но и не бодрствую. Слышал каждый шорох в доме, каждое дыхание города за окном. И сквозь этот шум — другой звук. Тихий. Низкий. Вибрационный. Как будто кто-то настраивал огромную струну где-то в недрах земли.

Или во мне.

Я открыл глаза. Потолок был на месте. Квартира — на месте. Но воздух... воздух изменился. Он стал вязким, как вода перед грозой.

Я сел.

Поставил ноги на пол.

В комнате было темно, но я видел всё — каждую трещину на паркете, каждую морщинку на шторе. Не глазами. Чем-то другим.

И тогда я понял: это оно.

То, о чём говорила мама. То, что ждало. То, что приходит не тогда, когда готов, а тогда, когда должен.

Я не знал, что именно случится этой ночью.

Но я знал одно: я больше не усну. Не потому, что не хочу. А потому, что граница между сном и явью истончилась до прозрачности. И за этой границей кто-то стоял.

Я встал. Подошёл к окну.

В стекле отразился я сам — высокий, напряжённый, с горящими глазами. И на секунду мне показалось, что за моим отражением, глубже, в чёрной глубине ночного города, кто-то смотрит на меня в ответ.

Не Оно с реки.

Кто-то третий.

Я не отвёл взгляд.

— Приходи, — сказал я тихо в темноту. — Я не боюсь.

Я готов.

И тишина, которая висела в комнате, вдруг стала не пустой. Она стала живой. Пульсирующей. Она дышала.

Где-то внизу, на улице, часы на башне начали бить полночь.

Я закрыл глаза.

И мир провалился

Глава 10. Планета Трех Светил

Я стоял перед тем, что человеческий разум отказывался принимать. Прямо передо мной ввысь уходили колоссальные ворота — десятиметровый монолит из белого, до боли в глазах полированного металла. Его поверхность не была пустой: она дышала инкрустацией из камней, цвета которых не имели названий в земном спектре. Эти камни казались живыми — они пульсировали, наливались внутренним светом и затухали в такт какому-то незримому сердцу. Смотришь на них, и кажется, что это не ты изучаешь их грани, а они следят за твоим дыханием.

Я обернулся. Позади меня, всего в паре шагов, стояла абсолютная стена. Фиолетовое марево, уходящее в бесконечность — вверх, вправо, влево. Плотная, вибрирующая стена живой энергии, заменившая собой горизонт. Она гудела на самой низкой частоте, которую чувствуешь не ушами, а костями.

Я медленно протянул правую руку. Кончики пальцев коснулись фиолетовой мглы. Она была прохладной, как горный ручей, и слегка покалывала кожу мелкой дрожью. Секундное колебание: стоит ли шагнуть туда целиком? Исчезнуть в этой вибрирующей бездне или остаться здесь?

В этот момент за спиной раздалось... безмолвие.

Массивные створки белых ворот начали расходиться. Я ждал скрежета металла, стонов вековых петель, грохота камня — но тишина была абсолютной. О том, что путь открыт, я догадался лишь по звуку. Из глубины прохода хлынула мелодия. Никогда на Земле я не слышал ничего подобного. Это не была просто музыка — это был зов. Она проникала под кожу, развязывала узлы в груди, манила так, что сопротивляться было невозможно.

В самом центре прохода, на фоне неземного сияния, стоял Он.

Великан. Трёхметровая фигура, застывшая в абсолютном покое. Его голову, лишённую волос, венчало лицо цвета бледного фарфора. На нём было белое одеяние, напоминающее рясы китайских монахов, но расшитое оранжевыми кристаллами и камнями, чистыми, как высшей пробы алмазы. Руки незнакомца были скрыты в широких рукавах.

От него исходила мощь, которую не опишешь в физических величинах. На Земле он мог бы стать прообразом для титанов из боевых аниме, если бы не глаза. Огромные, миндалевидные, серого стального цвета. Эти глаза не просто смотрели на меня — они сканировали мою ДНК, читали мои мысли раньше, чем я успевал их оформить, и доставали из глубин моей памяти то, что я сам давно предпочёл забыть.

Его губы не шевелились, но голос прозвучал прямо у меня в черепе — чистый, глубокий, лишённый эмоций, но полный смысла.

— Я рад приветствовать тебя, Артём. Такой гость впервые на нашей планете. Меня зовут Ома.

— Здравствуй, Ома, — ответил я, удивляясь собственному спокойствию. — Где я? И что значит «такой гость»?

— Ты на планете Трёх Святых, — эхом отозвалось в моей голове. — А гость ты особенный, потому что представитель Геи здесь впервые. Если ты оказался здесь, значит, так было предписано. Мы рады, что ты готов.

Я почувствовал, как напряглись мышцы спины. Старые рефлексy бойца никуда не делись даже здесь.

— Я особенный гость, с Геи? — Я с планеты Земля.

— Тут планету Земля называют планета Гея. Это название ей дали, при ее рождении. Спустя миллионы лет, твой вид, стал ее называть Земля.

— Кто это — «Мы»? И к чему я готов?

Ома чуть склонил голову, и в его серых глазах промелькнула искра, похожая на отблеск далёкой звезды.

— Я говорю «Мы» от имени Трёх Светил. А готов ты к Турниру. Иначе, повторюсь, ты бы здесь не оказался.

Глава 11. Гладиаторы

— Следуй за мной, — голос Омы прозвучал как приказ и приглашение одновременно.

Он развернулся, и я шагнул следом. Только сейчас, глядя в затылок трёхметровому монаху, я осознал странную вещь: мои глаза были на одном уровне с его головой. Я вырос. Мои земные сто девяносто сантиметров здесь превратились в три метра абсолютной, сухой мощи. Вес больше не давил на суставы. Если на Земле мои сто килограммов были бронёй, которую приходилось нести, то здесь я чувствовал себя на восемьдесят. Тело стало текучим, ртутным. В каждом сухожилии пульсировала такая энергия, что казалось — стоит чуть сильнее толкнуться, и я взлечу на несколько метров, разрывая пространство.

Город вокруг нас был гимном свету. Здания взмывали ввысь, соединённые ажурными мостами. Стены были сделаны из материала, напоминающего горный хрусталь, — прозрачные, массивные, они переливались, меняя оттенки от жемчужного до глубокого аквамарина. Здесь не было привычного шума машин, не было копоти. Над нами бесшумно скользили пятиметровые сферы — идеальные зеркальные капли, парящие в пустоте. Здесь не было зелени, не было птиц. Весь этот мир жил за счёт того, что висело над ним.

Три Солнца. Три Святила.

Они застыли в нежно-зелёном небе, неподвижные и великие. Они не обжигали. Их свет был густым, как мёд, и живым. Он впивался в кожу, даря чувство странной, почти забытой радости. Казалось, этот свет и есть сама жизнь, сама мудрость.

Мы поднялись на верхний уровень. Перед нами раскинулась колоссальная площадь, напоминающая Колизей, вырубленный из чистого света. Тишина здесь была такой плотной, что я слышал вибрацию собственного сердца.

С противоположной стороны арены начали отделяться тени. Девять силуэтов. Ома замер, его ладонь медленно поднялась, указывая мне на строй пришельцев. Я понял без слов: моё место там, в ряду девяти...

Я шёл к ним, и с каждым шагом моё волнение переплавлялось в ледяной интерес. Девять существ с разных концов Вселенной. У каждого своя кожа — от пепельно-серой до иссиня-чёрной. Разное строение лиц, разные взгляды. Но все они, как и я, подчинялись антропоморфному коду: одна голова, две руки, две ноги.

Двое из них заставили меня замедлить шаг.

Первый был шедевром неземного гения — симбиоз биологии и высшего ИИ. Его тело из полированного металла и живой ткани переливалось мягким светом. Киборг-аристократ, воплощение технологического совершенства.

Второй был кошмаром.

Он возвышался над нами всеми, достигая четырёх метров. Его кожа цвета болотной гнили бугрилась чудовищными мышцами, едва прикрытыми пластинами из тёмного сплава, похожего на карбон. Вместо волос на его голове извивался клубок чёрных змей, которые не затихали ни на секунду, оглашая тишину арены ядовитым шипением. Но страшнее всего были его глаза. Ярко-красные, налитые первобытной яростью. Его лицо застыло в гримасе такой глубокой, концентрированной ненависти, что воздух вокруг него казалось обутленным.

Мы стояли в самом центре мироздания. Прямо под Тремя Светилами. И в этот миг я осознал: эти Солнца — не просто звёзды. Это три Древних, Могучих Сознания. Они смотрят на нас.

Сердце мне шептало, что этот турнир, не был просто дракой. Здесь, на арене Трёх Святил, оценивалась не только техника боя. В расчёт бралось качество духа. Благородство бойца..

Я сжал кулаки. Я был готов.

Глава 12. Кровь и Металл

Мы застыли. Десять теней, десять воинов из разных миров, объединённых одним общим ритмом. В этом безмолвии не было нужды в словах — информация от Трёх Святил проникала в сознание напрямую, минуя слух. Мы не просто стояли, мы парили в коконе плотной, комфортной энергии, глядя на арену сверху. Ни одно затекшее сухожилие, ни одна лишняя мысль не отвлекали от того, что разворачивалось внизу.

Арена была мостом. Бесконечная ,пятьдесят метров в ширину лента из того же мерцающего хрустала, парящая в пустоте. Начало и конца моста, видно не было. Под ним не было земли — только бездонная пропасть, затянутая нежно-зелёным туманом.

Двоих из десяти, спустили на мост. Остальные внимательно наблюдали. Я в их числе.

Первый бой: Совершенство против Силы

На мост вышли двое. Киборг — сияющий симбиоз живой ткани и полированного титана — и гигант с кожей цвета жжёного эбена, напоминающий земного африканца, но выросшего до запредельных масштабов.

Бой был быстрым и хирургически точным. Киборг двигался так, будто законы инерции для него не существовали. Африканец сражался яростно, его мощные удары дробили хрусталь моста, но сталь оказалась быстрее плоти. В середине схватки киборг, поймав момент, точным движением сокрушил руку и ногу оппоненту. Хруст костей был слышен даже на нашей высоте.

Затем раздался сигнал. Низкий, вибрирующий рёв, похожий на зов тибетской трубы, пронёсся над городом. Бой закончился. И тут произошло то, чего я не ожидал: киборг подошёл к поверженному врагу. Из его ладоней хлынул поток мягкого света. Энергия, смешанная с

какими-то нано-частицами, на моих глазах начала сращивать кости и затягивать раны. Это было актом высшего благородства. Турнир казался честным испытанием духа.

До этого момента.

Второй бой: Гниль Аида

На мост вышел Аидянец. Тот самый зелёный гигант с шевелящимися змеями вместо волос. Кто-то из гладиаторов произнес.—Он представитель планеты Аид.

Его противником снова стал киборг.

Схватка была запредельной по накалу. Киборг атаковал сериями, которые не оставили бы шанса никому другому, но Аидянец принимал удары на свои карбоновые пластины, не меняясь в лице. В решающий момент они сцепились в клинче и рухнули на поверхность моста. И тут атмосфера взорвалась.

Змеи на голове Аидянца ожили, вытянулись и плотным, шипящим коконом перекрыли окуляры киборга. Слеплённый механизм дёрнулся, но было поздно. Аидянец, пользуясь тем, что противник не видит цели, вложил всю свою чудовищную мощь в один удар. Его рука, как таран, пробила область живота киборга — то самое уязвимое место, где тонкие сплавы обеспечивали подвижность корпуса.

Раздался страшный звук рвущегося металла. Аидянец буквально вырвал часть технической «внутрянки» киборга вместе с биологическими узлами.

Киборг замер. Его ноги безвольно вытянулись, парализованные. Одна рука повисла плетью, а вторая в отчаянной попытке пыталась отодрать змей от лица. Аидянец медленно встал на колени. Одной рукой он перехватил уцелевшую кисть киборга, а вторую, чуть отклонив корпус для замаха, впечатал локтем прямо в висок противника.

Удар был окончательным. Киборг дёрнулся последний раз и обмяк. Его металлическая рука безжизненно упала на хрусталь.

Мир изменился. Доброжелательность и спортивный азарт, царившие здесь мгновение назад, испарились. Воздух стал тяжёлым, липким. Я почувствовал, как вокруг поплыл гнилостный запах — сладковатый аромат разложения и старой крови. Негатив стал осязаемым, он давил на грудь, мешая дышать.

Снова взревела труба. Но в этот раз её звук был не торжественным, а тревожным, как набат. Мы приняли сигнал: Турнир берёт паузу. Впереди была Тьма. Ночь этой планеты, которая не сулила ничего хорошего.

Глава 13. Тьма перед боем

Прозрачная сфера мягко доставила меня в жилой сектор. Комната, в которой я оказался, была не просто жилой — она была живой. Это пространство чувствовало мои мысли быстрее, чем я успевал их озвучить. Стоило мне подумать о воде — и стена из горного хрусталя разошлась, открывая ванную. Я представил душевую кабину, и пространство послушно перестроилось под мой земной запрос. На столе возникла ваза с фруктами, едва я о них вспомнил,

но голода не было. Три Светила напитали мои клетки энергией так плотно, что обычная еда казалась лишней.

Я лёг на кровать. Поверхность идеально подстроилась под изгиб спины, под головой возникла та самая ортопедическая подушка, к которой я привык в своей квартире в Петербурге. Всё было создано для покоя, но покой не шёл.

Стоило закрыть глаза, как в темноте вспыхивала финальная сцена боя. Хруст пробитого панциря киборга и этот удар локтем — расчётливый, жестокий, лишённый всякого милосердия. Но хуже всего был взгляд. Когда Аидянец уходил с моста, его красные глаза впились именно в меня. Не в Ому, не в других воинов. Только в меня.

В этом взгляде не было простого желания победить. Там была древняя, выдержанная годами ярость, будто я был его личным врагом, виновным во всех бедах его гнилого Аида.

В юности, на первых турнирах по муай-тай, я «горел». Адреналин сжигал изнутри, колени дрожали перед выходом на ринг. С годами это прошло, сменившись холодным расчётом. Но здесь, на краю Вселенной, ответственность придавила меня к подушке. Я был не просто Артёмом Воронцовым, переводчиком и бойцом из Петербурга. Я был Землёй. Всем её опытом, всей её силой и всей её слабостью.

Я сел на кровать, скрестив ноги в позе лотоса. Ладони привычно легли на колени. Единственный способ унять этот гул в голове — вернуться к базе. Я закрыл глаза и сосредоточился на дыхании. Вдох — холодный воздух наполняет три метра моего нового тела. Выдох — я отпускаю образ змей на голове Аидянца. Вдох — я чувствую свою силу. Выдох — я растворяю страх.

В какой-то момент грань между медитацией и реальностью стёрлась. Я почувствовал, как сознание расширилось, а тело стало невесомым. Не открывая глаз, я ощутил, как спина мягко коснулась матраса, а голова сама нашла подушку. Тьма Трёх Светил наконец приняла меня в свои объятия, даруя короткое забытё перед тем, что должно было произойти на рассвете.

Глава 14. Танец на Мосту Света

Пробуждение было мгновенным. Три Светила взошли одновременно, заливая город нежно-зелёным сиянием. Сфера доставила меня к началу моста. Моим первым противником был тот, кто казался сошедшим со страниц древних индийских вед.

Его кожа имела глубокий небесно-синий оттенок, а лицо было безупречным — точная копия изображений Кришны: миндалевидные карие глаза, в которых читалась бесконечная мудрость, и красная точка-тилак на лбу. Он был облачён в лёгкие одежды из переливающейся ткани, напоминающие дхоти, а его движения... это была не схватка, это была поэзия скорости.

Он двигался так, будто воздух не оказывал сопротивления. Его техника была безупречна. Каждый раз, когда мне удавалось провести удачную контратаку в стиле муай-тай, он не злился. Напротив, его губы трогала мягкая улыбка, и он делал то самое характерное покачивание головой, которое я так часто видел у индусов на Земле. Это было признание мастерства.

В какой-то момент, когда наши кулаки замерли в миллиметрах от тел друг друга, время словно остановилось. Мы оба поняли: в этом физическом плане победить не удастся ни одному. Наши сознания соприкоснулись.

— Для меня большая честь встретить воина с Геи, — прозвучал в моей голове его голос, чистый и тёплый, как солнечный свет. — Я Муках, с планеты Сурья. Я знаю о твоём мире. Если ты примешь ничью, я приму это с честью и великим уважением к тебе.

Я почувствовал, как напряжение уходит из моих мышц. Мы медленно разорвали дистанцию. Муках — не сводил с меня глаз. Он замедлил движения и сложил ладони вместе, коснувшись ими лба в священном жесте почтения.

Моё тело сработало на автомате. Десятилетия в залах Fairtex и уважение к тайской культуре выплеснулись в ответный жест. Я сложил ладони в высоком Вае, склонив голову ровно настолько, насколько это диктовал этикет перед высокодуховной личностью.. Я смотрел ему прямо в глаза, и на моём лице тоже была лёгкая, искренняя улыбка.

Над бездной моста взревела труба. Низкий звук пронизал пространство, фиксируя финал нашей схватки. Но даже после него мы продолжали смотреть друг на друга, связанные невидимой нитью уважения двух разных, но в чём-то очень похожих миров.

— Я рад нашей встрече и нашему бою, — вспыхнуло в моём мозгу. — Это была достойная схватка. Надеюсь, мы ещё увидимся.

— Я Артём, — ответил я, чувствуя, как внутри разливается спокойствие.

Глава 15. Высший Смысл

Когда сфера доставила меня обратно к Оме, он стоял на самом краю хрустальной террасы, глядя на неподвижные светила. Его руки по-прежнему были скрыты в рукавах, но плечи больше не напоминали каменное изваяние.

— Ты удивил не только меня, Артём, — начал Ома, не оборачиваясь. Его голос вибрировал на частоте глубокого удовлетворения. — Сын Сурьи, Муках, — один из самых совершенных мастеров духа, которых когда-либо знала эта Вселенная. На мосту обычно ищут слабость соперника. Вы же нашли силу друг друга.

Я подошёл ближе, чувствуя, как энергия боя всё ещё пульсирует в моих трёхметровых мышцах.

— На Земле нас учили, что истинная победа, это победа над собой. Муках, мне не враг.

Ома медленно повернулся ко мне. Его огромные миндалевидные глаза светились мягким серебром.

— Наш Турнир — это фильтр. Мы ищем тех, кто способен удержать баланс между разрушительной мощью и созидательным духом. Аидянец принёс сюда Тьму и ненависть, напомнив нам, как легко опуститься до уровня зверя. Но вы с Мукахом... вы вернули этому месту его изначальный смысл.

Он сделал шаг вперёд, и я почувствовал, как пространство вокруг нас уплотнилось.

— Я пришёл передать тебе волю Трёх Светил. Древние Сознания внимательно следили за вашими движениями. Они передают, что были глубоко тронуты этим противостоянием. Тысячелетиями на этом мосту не видели такого финала. Мало кто способен опустить руки в шаге от триумфа ради чистоты совести.

Ома замолчал, и в моём сознании вспыхнул золотой символ — знак одобрения самих Святых.

— Они дали имя вашей схватке, Артём. В летописях планеты она останется как «Слияние Зеркальных Истин». Вы стали зеркалами друг друга, и в этом отражении не было ни капли страха. Только свет.

Ома положил свою бледную ладонь мне на плечо. Это был первый раз, когда он коснулся меня.

— Отдохни. Три Светила дали тебе свою защиту. Но помни: Аидянец видел этот финал. И то, что для нас стало Светом, для него стало личным оскорблением. Его Тьма теперь будет искать не просто победы, а твоего уничтожения.

Ома подошёл вплотную. Его взгляд стал настолько глубоким, что мне показалось, будто я смотрю в открытый космос. Он не стал давать мне меч или щит — на этом уровне материальное оружие было лишь обузой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.